

ГЛАВА I

Позвольте представиться: я — кот, просто кот, у меня еще нет имени.

Я совершенно не помню, где родился. Помню только, как я жалобно мяукал в каком-то темном и сыром углу. Здесь же мне впервые довелось увидеть человека. Позже я узнал, что это был мальчишка-сёсэй¹, один из тех сёсэев, которые слывут самой жестокой разновидностью людского племени. Рассказывают, что эти мальчишки иногда ловят нас, кошек, зажаривают и едят. Но тогда я даже не подозревал, что мне грозит такая опасность, и поэтому не очень испугался. Я не почувствовал никакой тревоги и тогда, когда мальчишка взял меня на руки и поднял на головокружительную высоту. Мне даже было приятно в теплых и мягких ладонях сёсэя. Я устроился поудобнее и принялся рассматривать его — ведь как-никак это была моя первая встреча с человеком. Уже тогда человек показался мне существом весьма странным. Этого мнения я придерживаюсь и по сей день. Взять хотя бы лицо. Ведь именно здесь должна расти самая густая, самая красивая шерсть. А у него оно голое и круглое — совсем как никелированный чайник! Мне потом приходилось встречаться со многими кошками, но ни разу я не видел среди них такого урода. Более того, средняя часть лица у человека

---

¹ Сёсэй — подросток, живущий в доме врача, учителя или адвоката и выполняющий небольшие поручения своего патрона, за что последний оплачивает его обучение в гимназии. — Здесь и далее примеч. пер.

как-то странно выдавалась вперед, а из двух отверстий в этом выступе время от времени вылетали клубы дыма. Дым был едким и противным, и я начал задыхаться. Только недавно я наконец узнал, что это был дым табака, который курят люди.

На руках у мальчишки я просидел довольно долго и чувствовал себя вполне хорошо. Но вдруг меня куда-то стремительно понесло. Я никак не мог понять, что происходит, то ли это двигался мальчишка, то ли двигался лишь я, а он стоял на месте, во всяком случае, голова у меня пошла кругом. К горлу подступила тошнота. «Теперь конец», — мелькнула мысль, и тут я хлопнулся оземь, да так, что из глаз посыпались искры. До этого момента я все помню хорошо, но что было потом — хоть убей, не могу вспомнить.

Когда я вдруг пришел в себя, мальчишки поблизости уже не было. Не было никого и из моих многочисленных братьев и сестричек. Даже моя заботливая и нежная мать — и та куда-то исчезла. Я очутился в совершенно незнакомом месте, было непривычно светло, так светло, что резало глаза.

«И куда это я попал?» — подумал я и попробовал сделать несколько шагов, но каждый шаг причинял мне страшную боль — ведь теперь вместо мягкой соломки у меня под ногами была густая колючая поросль молодого бамбука.

Вскоре я выбрался из зарослей и оказался на берегу большого пруда. Здесь я присел на землю и стал размышлять над тем, что же теперь делать, но ни до чего путного так и не додумался. Мне пришло в голову, что если я немного поплачу, то мальчишка непременно придет за мной. «Мяу, мяу», — начал я, но никто не появлялся. А между тем откуда-то, взволновав поверхность пруда, налетел прохладный ветерок. Солнце зашло. Страшно хотелось есть. Я так ослабел, что даже не мог плакать. «Теперь уж все равно ничего не поделаешь, так хоть пойду поищу какой-нибудь еды», — решил я и медленно побрел вдоль

берега. На душе было тяжело. Так я шел и шел терпеливо, сам не зная куда, и вдруг до меня донесся запах человеческого жилья. «Пойду-ка туда, авось кто-нибудь да выйдет», — подумал я и через дыру в изгороди проник в чей-то двор. Удивительная вещь — случай: не будь этой дыры, умер бы я в конце концов от голода где-нибудь на дороге. Вот уж недаром говорят: «Неисповедимы пути господни». А через эту дыру я и сейчас хожу в гости к Микэ, которая живет по соседству.

Ну, хорошо, во двор-то я пробрался, а вот что делать дальше? К этому времени совсем стемнело, и меня окончательно одолел голод. А тут еще пошел дождь, и я сильно продрог. Нельзя было терять больше ни минуты. И я отправился дальше, туда, где, как мне казалось, можно найти свет и тепло.

Теперь я знаю, что тогда я сумел побывать в доме. И там мне снова представился случай встретиться с человеком, на этот раз уже не с мальчишкой. Первой меня заметила служанка. Она обошлась со мной куда безжалостнее, чем тот сорванец сёсэй. Как только я попался ей на глаза, она схватила меня за загривок и вышвырнула на улицу. «Это уж совсем никуда не годится», — подумал я и, закрыв глаза, вверил свою судьбу небу. Но холод и голод были поистине нестерпимы, и, улучив минуту, когда служанка отвернулась, я опять проскользнул в кухню и тут же снова был выброшен за дверь. Помню, как много раз подряд я пробирался в дом и сразу же оказывался под дождем, как я опять возвращался и меня опять вышвыривали. Уже тогда я всей душой возненавидел служанку. Совсем недавно я утащил у нее со стола рыбу и этим хоть немного отомстил ей за обиды.

Когда она схватила меня в последний раз и уже собиралась было вышвырнуть из кухни, вошел хозяин дома.

— Что тут за шум? — спросил он. Служанка опустила руку и указала на меня.

— Да вот какой-то бездомный котенок все лезет и лезет. Я его гоню, а он опять... Надоел даже...

Хозяин, покручивая росшие у него под носом черные волосы, некоторое время внимательно рассматривал меня, а потом произнес:

— Ну, раз так, то пусть остается у нас, — и снова ушел в комнаты.

Он производил впечатление человека не очень разговорчивого. Служанка с досады бросила меня на пол. Вот так я и поселился в этом доме.

С хозяином мне приходится сталкиваться редко. По профессии он учитель. Придя из школы, запирается на целый день в кабинете и почти не выходит оттуда. «До чего он трудолюбив», — думают домочадцы. А хозяину и в голову не приходит их разубеждать, что на самом деле он вовсе не такой. Иногда я украдкой заглядываю в кабинет и вижу, как он целыми днями спит, уткнувшись носом в раскрытую книгу. Хозяин страдает несварением желудка, поэтому цвет кожи у него изжелта-бледный, а тело дряблое. Но тем не менее ест он помногу, а после обильной еды пьет диастазу Така. Потом идет в кабинет и раскрывает книгу. Однако, прочитав две-три страницы, засыпает, и из полураскрытоего рта прямо на книгу начинает капать слюна. Такого рода «занятия» повторяются каждый вечер. Я всего лишь кот, но и то иногда думаю: «До чего же хорошо быть учителем. Будь я человеком, обязательно избрал бы эту профессию. И кошка могла бы справиться с такой службой: спи себе — и вся недолга». Но попробуйте спросить у моего хозяина, и он вам ответит, что нет ничего тяжелее и неблагодарнее труда учителя. Во всяком случае, когда к нему приходят друзья, он всеми силами старается подчеркнуть это.

С тех пор как я поселился в этом доме, все, кроме хозяина, обращаются со мной бесчеловечно. К кому ни подойдешь — все тебя гонят, никто не хочет с тобой поиграть. Мне до сих пор даже не дали имени — вот как мало меня здесь ценят. Потому-то я и стараюсь все время быть поближе к хозяину, ведь как-никак это он приютил меня. По утрам, когда хозяин читает газеты, я непременно взбираюсь

к нему на колени. А днем, когда он ложится спать, я устраиваюсь у него на спине. И не потому, что я уж очень люблю хозяина, — просто мне больше не к кому приласкаться. Теперь я приобрел некоторый опыт и решил: по утрам спать на мэсибицу¹, по вечерам — на котацу², а днем, если на дворе тепло и нет дождя, отправляться на галерею. Но больше всего я люблю забраться с вечера в постель к хозяйственным дочкам и проспать там всю ночь. Одной дочке хозяина пять, другой — три года, и спят они вместе. Я отыскиваю свободное местечко и укладываюсь рядом с ними. Но беда, если кто-нибудь из них проснется, — какой тогда поднимается шум! Им совсем невдомек, что уже ночь и все спят, и они начинают громко вопить: «Кошка, кошка!» Особенно усердствует младшая, у которой вообще несносный характер. Своими криками они будят моего больного нервного хозяина, который спит в соседней комнате. Он вскакивает и бежит к детям. Вот и недавно он рассердился, схватил указку и пребольно хлестнул меня по заду.

Чем дольше я живу среди людей, чем внимательнее к ним присматриваюсь, тем больше убеждаюсь, что они существа весьма капризные и своевольные. Что до детей, с которыми я иногда сплю, то и говорить не приходится. Стоит им только захотеть, и они начинают тормошить меня, переворачивать вверх ногами, швырять на пол, заталкивать в печь, натягивать мне на голову мешок. Но как только я выражу недовольство, люди всей семьей гоняются за мной, ловят и избивают. И вот совсем недавно, когда я вздумал немного поточить коготки о циновку, хозяйка страшно рассердилась и совсем перестала пускать меня в комнаты. Какое ей дело до того, что кто-то на кухне дрожит от холода.

В доме наискосок от нас живет многоуважаемая Сирокун. Каждый раз, встречаясь со мной, она повторяет: «Нет на свете создания более бессердечного, чем человек».

¹ Мэсибицу — сосуд для хранения вареного риса, имеет форму небольшой кадушки с крышкой.

² Котацу — жаровня, которая помещается в углублении в полу.

У Сиро-кун недавно родилось четверо пушистых, похожих на шарики котят. Но уже на третий день живущий в их доме ученик отнес бедняжек за дом, к пруду, и побрал всех четверых в воду. Сиро-кун горько оплакивала своих детей и ни о чем другом не могла говорить. И еще она сказала, что мы, кошки, непременно должны бороться с людьми и уничтожить их всех до одного, если хотим обеспечить себе счастливую семейную жизнь, когда любовь между родителями и детьми достигнет наивысшего расцвета. Мне кажется, что это весьма и весьма справедливо. А Микэ-кун, которая тоже живет по соседству, при этом с возмущением добавила: «Люди совсем не имеют представления о праве собственности». У нас, кошек, издавна так заведено: кто первый заметит что-нибудь съедобное, — будь то голова сардинки или брюшко голавля — тот и имеет полное право сам съесть найденное. Того же, кто не придерживается этого строгого закона, силой заставляют подчиниться ему. А люди, кажется, абсолютно не понимают этого и всегда отбирают найденные нами лакомства. Силой, без всякого зазрения совести они присваивают то, что принадлежит нам по праву. Сиро-кун живет в доме военного, хозяин Микэ-кун — адвокат. Я же живу в доме учителя и поэтому смотрю на вещи более оптимистично, чем мои приятельницы. Мне бы только тихо и мирно, без всяких волнений дожить до конца дней своих. Все равно господство людей на земле не будет вечным. Так что не будем терять надежды и подождем, пока наступит эпоха кошек.

Раз я уж начал говорить о капризах людей, то придется рассказать и о том, как однажды мой хозяин из-за своего дурного характера попал впросак. Он отнюдь не блещет талантами, но тем не менее берется за все. То сочиняет хайку и посыпает их в журнал «Кукушка», то пишет стихи в новом стиле и отправляет их в «Утреннюю звезду», а то начинает строчить статьи на английском языке, в которых полно ошибок. Иногда он вдруг увлека-

ется стрельбой из лука или принимается распевать утai¹, а иногда с утра до вечера пиликает на скрипке. Но, к сожалению, он во всем далек от совершенства, хотя, несмотря на несварение желудка, целиком отдается этим странным занятиям. Он распевает свои утai даже в нужнике, за что и получил от соседей прозвище «Господин нужник». Но он не обращает на это никакого внимания и продолжает петь: «Я храбрый Тайра Мунэмори», и все прыскают со смеху: «Нет, каково, вы только послушайте: новый Мунэмори объявился».

Однажды я был совсем сбит с толку и никак не мог понять, какая новая идея пришла в голову моему хозяину. Это было в день выдачи жалованья, когда прошел всего лишь месяц с тех пор, как я поселился в доме учителя. Хозяин вернулся из школы очень взволнованный, в руках у него был большой сверток. «Интересно, чего он там накупил», — подумал я. В свертке оказались кисти, акварельные краски, листы ватманской бумаги. С тех пор хозяин забросил утai, хайку и, казалось, преисполнился решимости стать художником. Уже со следующего дня он начал запираться в кабинете и рисовать. Он даже отказался от послеобеденного сна. Но сколько потом люди ни вглядывались в его картины, никто не мог определить, что там нарисовано. Да и он сам, наверное, понимал, что получается не то, что нужно.

Как-то я подслушал разговор хозяина с одним его приятелем, который, кажется, был искусствоведом.

— Неважно что-то у меня получается, — жаловался мой хозяин. — Посмотришь у других — ну что здесь, казалось бы, особенного, а вот как сам возьмешься за кисть... Трудно, очень трудно...

Он действительно нисколько не кривил душой.

— Да, сначала всегда так, — отвечал гость, глядя на хозяина поверх очков в золотой оправе. — И вот что главное: ты никогда не сможешь написать хорошую картину,

¹ Утai — песни, исполняемые во время представлений в классическом японском театре «Но».

если твое воображение ограничено стенами дома. Послушай, что говорил старый итальянский мастер Андреа дель Сарто: «Если хочешь написать настоящую картину, то изображай то, что имеется в природе, неважно что именно. Природа сама по себе большая, живая картина. На этой картине есть все: и мерцание звезд на небе, и блеск росы на траве, и летящие птицы, и бегающие животные, и плавающие в пруду рыбы, и стынущие на ветвях опавших деревьев вороны». Вот и тебе, для того чтобы стать настоящим художником, следует рисовать с натуры. Интересно, что получится...

— Как, Андреа дель Сарто действительно так говорил? А я и не знал. И он, конечно, прав, тысячу раз прав. Ведь так и должно быть, — чересчур восторженно воскликнул хозяин.

За очками в золотой оправе мелькнула ироническая усмешка.

На следующий день я, как обычно, вышел на галерею и, устроившись поудобнее, задремал. Хозяин тоже вышел из кабинета, чего раньше в это время дня с ним никогда не случалось, и, стоя позади меня, начал усиленно над чем-то трудиться. Когда я проснулся и, чуть-чуть приоткрыв один глаз, взглянул на хозяина, то обнаружил, что он старательно выполняет завет великого Андреа дель Сарто. Я не мог сдержать невольной улыбки. Хозяин попался на удочку своего приятеля и для начала решил изобразить меня. Я уже хорошо выспался, и мне страшно хотелось потянуться и зевнуть. Но хозяин работал с упоением, и я понял, что стоит мне пошевелиться, как все пойдет насмарку, а поэтому терпел изо всех сил. Он уже нанес на бумагу контуры моего тела и сейчас раскрашивал мордочку.

Сознаюсь, что как кот я не представляю собой пре-восходнейшего экземпляра. Можно смело сказать, что я не отличаюсь от других котов ни ростом, ни цветом и красотой шерсти, ни чертами мордочки. Но при всей своей заурядной внешности я никак не могу согласиться,

что похожу на страшилище, которое в это время рисовал мой хозяин. Прежде всего, я совсем другого цвета. Шкурка у меня, как у персидской кошки: светло-серая, с желтоватым оттенком и с черными блестящими, как лак, пятнами. Уж что-что, а это всякий может разглядеть. На картине же я был не желтым и не черным, не серым и не коричневым. Да что говорить, здесь не было даже смешения этих цветов! Одним словом, это был весьма своеобразный цвет, иначе и не скажешь. Но что самое удивительное — так это глаза. Вернее, глаз на картине вовсе не было. На первый взгляд это представлялось вполне резонным: ведь хозяин рисовал меня, когда я спал. Но дело в том, что на рисунке не было даже какого-либо намека на глаза; сколько ни гадай — никак не угадаешь, то ли это слепая кошка, то ли спящая. И я подумал про себя: «Что бы там ни говорил Андреа дель Сарто, а такая картина никуда не годится». Однако при всем этом нельзя было не восхищаться тем огромным рвением, с которым работал мой хозяин. Я всеми силами старался не шевелиться, но мне уже давно хотелось пойти по нужде. Внутри у меня все напряглось, я не мог больше терпеть ни минуты. Вот и пришлось волей-неволей позабыть все приличия: я потянулся, выставив далеко вперед лапы и низко пригнув голову, и сладко зевнул. После этого уже, конечно, не стоило сидеть неподвижно, ведь так или иначе я спутал хозяину все его планы. Поэтому я поднялся и не спеша пошел за дом по своим делам. Но в это время раздался крик хозяина: «Ах, черт бы тебя побрал!» Гнев, отчаяние слышались в его голосе. Когда хозяин ругается, он всегда употребляет это выражение: «Черт бы тебя побрал». Такая уж у него привычка, да он и не знает других ругательств. Я же подумал: «Потерпел бы с мое, тогда бы не кричал “черт бы тебя побрал”. Не очень-то это вежливо». Обычно он так ругается, когда я забираюсь к нему на спину, но если лицо у него в эту минуту хоть чуточку добрееет, я ему охотно прощаю грубость. Однако еще ни разу не случалось, чтобы он уважил хотя бы одно мое желание. Вот

и сейчас мне было очень сильно услышать это «черт бы тебя побрал», когда я встал, чтобы пойти помочиться.

Вообще люди слишком полагаются на свою физическую силу, а поэтому все они такие зазнайки. И неизвестно, каких пределов может достигнуть их зазнайство в будущем, если только не появятся какие-нибудь более сильные существа и не станут над ними издеваться. Можно было бы мириться с человеческим своим нравом, если бы оно проявлялось только так; но дело в том, что мне известны случаи, когда людская несправедливость достигала прямо-таки ворицких размеров.

За нашим домом есть небольшой, всего в каких-нибудь десяток цубо¹ сад, в котором растет несколько чайных кустов. Здесь много уютных солнечных мест. Когда дети начинают слишком шуметь и в доме нельзя спокойно отдохнуть, когда у меня плохое настроение или я голоден, я всегда ухожу сюда и наслаждаюсь покойем.

Однажды в погожий осенний день около двух часов пополудни, я, хорошенько отдохнув после обеда, вышел на улицу и, прогуливаясь, забрел в сад. Я не спеша прохаживался между чайными кустами, обнюхивая их корни, пока не добрался до забора, который огораживает сад с запада. На засохшем кусте хризантемы, пригибая его своей тяжестью к земле, не обращая внимания на то, что творится вокруг, спал большой кот. Громко хранил и вытянувшись во всю длину, он продолжал спать даже тогда, когда я подошел совсем близко, — может быть, он не заметил моего приближения, а может, и заметил, но сделал вид, что ему решительно все равно. Забраться в чужие владения и так спокойно спать — нет, я не мог не удивиться такой дерзкой отваге. Он был весь черный, без единой отметины. Яркое, полуденное солнце щедро освещало его своими лучами, и казалось, что в мягкой шерсти кота все время вспыхивают неуловимые огоньки. Незнакомец был так великолепно сложен, что его можно бы

¹ Цубо — мера площади, равная 3,3 м².

было смело принять за короля кошек. Он был наверняка в два раза больше меня. Восхищение и любопытство заставили меня забыть обо всем другом; пораженный великолепием незнакомца, я застыл на месте и принял в упор разглядывать его. Тем временем слабый осенний ветерок тихонько качнул свесившиеся через забор ветви павлонии, и несколько листьев с легким шорохом упало на куст хризантемы. Король кошек вдруг открыл глаза, громадные и совершенно круглые, как блюдце. Этот миг я запомнил на всю жизнь. Блеск его глаз затмевал даже янтарь, который так высоко ценится у людей. Незнакомец не шевелился. Взгляд его прекрасных глаз, из самой глубины которых, казалось, лились потоки света, остановился на моем ничтожном лбу. Он спросил:

— А ты, собственно говоря, кто такой?

Тут я подумал, что такая форма обращения выглядит несколько вульгарной в устах короля кошек, но в его голосе чувствовалась сила, способная привести в трепет даже собаку, и я стоял молча, объятый страхом. Но и молчать тоже было опасно. Поэтому, стараясь по возможности сохранить самообладание, я ответил:

— Я — кот, просто кот, у меня еще нет имени. — Сердце мое в эту минуту билось быстрее, чем когда-либо.

Он насмешливо произнес:

— Что? Кот? Подумаешь, тоже мне кот... А где ты живешь?

«Какой наглец», — подумал я и с достоинством сказал:

— Я живу в доме здешнего учителя.

— Ах, учителя, я так и думал. То-то ты такой тощий.

Он был королем и мог безнаказанно говорить что угодно. Но из его манер я заключил, что незнакомец не из хорошего дома. Однако он был сытым, гладким — сразу видно, что живет в довольстве и ест вволю. И я не мог удержаться, чтобы не спросить:

— А ты откуда?

— Я — Куро, живу у рикши, — отвечал он высокомерно.